

Вдержимость

Турьев В. И.

18+

Владимир Гурьев

Одержимость

«Автор»

2026

Гурьев В. Г.

Одержимость / В. Г. Гурьев — «Автор», 2026

Прецедент в уголовной практике: робот сознательно убивает человека. Что послужило причиной? Техническая ошибка или что-то еще? Разбираться в этом предстоит создателю робота Максиму Чагину. Первоначальная диагностика приводит к неожиданному выводу – в робота вселился демон.

© Гурьев В. Г., 2026

© Автор, 2026

Владимир Гурьев

Одержимость

Кровавый след тянулся по полу. В коридоре – точкой-тире азбуки Морзе, в кухне – прямой чертой, как на ЭКГ. Казалось, по этим необычным указателям костлявая старуха с косою явится за Ольгой Андреевой с минуты на минуту. След четко указывал направление: вот она, раненая в живот женщина. Дрожащей рукой Ольга пыталась остановить кровь, но темно-красная жидкость упрямо сочилась сквозь пальцы, отчего ночная сорочка приобрела багровый цвет.

В ХХІІІ веке умереть от такой раны противоестественно. Из-за нее даже в больницу ехать не нужно. Любой робот-слуга запрограммирован на помощь в подобных случаях: диагностику, анестезию, лечение. Личный доктор в каждом доме, который работает круглосуточно, без ошибок и лишних слов – мечта любого человека. Такой робот-андроид был и в доме у Андреевых. Более того – самая передовая и дорогая модель, КХ-213. Но робот и стал причиной беды.

Ольга посильнее сжала рукоять сковороды: убийца приближался. Его поступь ни с чем не спутать – сухие щелчки в суставах, издаваемые при каждом движении. Конечно, сковорода бессильна против надвигающейся угрозы, но инстинкт самосохранения требовал цепляться за жизнь любой ценой.

Палач появился на пороге кухни. Вошел неторопливо. Спешить ему было незачем. Опасаться – тоже. Перед выполнением задачи он просчитал зеттабайты данных и выбрал способ абсолютно безопасный и при этом простой. Это одно из многих преимуществ машины перед человеком.

Ольга сквозь слезы взглянула на убийцу. Она еще надеялась увидеть на его лице хоть каплю сожаления. Неужели его не тронули крики детей, когда он кромсал их ножом? Неужели полгода, прожитые вместе, не пробудили в нем привязанности? Любви?

К своему удивлению, женщина увидела слезы. Небольшие ручейки технической жидкости стекали из медиальных углов искусственных глаз по пунцовым щекам – композитная плоть, натянутая на металлический каркас. Создатели КХ-213 не лукавили, когда представляли модель, которой «не чуждо ничто человеческое». Вот только к чему привели их ухищрения? Андроид стал убийцей.

– Прощу... не надо, – прошептала Ольга дрожащим голосом и потеряла сознание.

Следом раздался противный лязг, будто кто-то треснул по батарее железной трубой – сковорода выпала из ослабевшей руки. КХ-213 переступил через бесполезное орудие самообороны, склонился над умирающей хозяйкой и приступил к финальной фазе поставленной задачи – добить человека кухонным ножом.

***

Огненное пламя простиралось повсюду. Оно с усердием термитов пожирало придорожные кусты и доски, некогда служившие забором, и неуклонно двигалось к дому, располагавшемуся в тридцати метрах от проезжей части.

Максим Игоревич Чагрин находился в центре бушующего пламени. С завидной настойчивостью тянулись к нему огненные руки, влекущие в объятия, которые не сулили ничего, кроме смерти. Перед глазами то и дело возникали очертания звезд, треугольников или пауков, словно неведомая сила играла с ним в «Море волнуется раз». Невыносимый жар опалял тело, отчего тлела одежда и чернела кожа. Клубы дыма саднили глаза, нос и горло подобно наждачной бумаге. Запах горящих материалов оказывал тошнотворный эффект и грозил приступом рвоты: видимо, огненная стихия, никогда не славившаяся разборчивостью в пище, поглотила какую-то химию.

В подобных условиях Максим Игоревич вел себя парадоксально. Вместо того чтобы выбираться из губительного пламени, он, обезумев, носился среди пляшущих демонов, уклонялся от их приглашений к огненным танцам – и искал. Искал ту, кого любил больше всего на свете, кого считал самым большим достижением своей жизни, кого называл маленьким сокровищем.

– Катя! – истошно закричал Чагрин и проснулся.

Взгляд тотчас упал на фотографию, стоявшую на прикроватной тумбочке. На него, улыбаясь во весь рот, смотрела конопатая девочка лет шести, которую нисколько не смущало, что у нее нет одного зуба в верхнем ряду.

– Катя, – уже тише повторил Максим Игоревич и слезы хлынули из его глаз. Переживание сразу отозвалось болью в животе, в суставах рук и ног, словно тело тоже вспомнило события того ужасного дня. Но, как и тогда, Чагрин не обратил на болезненные ощущения должного внимания. Вместо того чтобы принять анальгетики, он поднес фотографию дочери ближе к лицу и замер. Так, в воспоминаниях о Кате, он намеревался провести все утро.

Неожиданно стена перед кроватью скорбящего отца завибрировала, а затем на ней появилось изображение полноватого гладко выбритого мужчины. Он часто и неестественно моргал.

– Макс, – начал он, – я понимаю, что у тебя выходной, но ты мне срочно нужен здесь. У нас чрезвычайная ситуация.

– Петр Алексеевич, – не отрываясь от фотографии, ответил Чагрин, – вы прекрасно знаете, какой сегодня день. При всем уважении к вам я не тронусь с места.

– Макс, – продолжал дружески уговаривать его руководитель, – поверь, я бы не побеспокоил тебя, если бы того не требовала ситуация. Прямо сейчас в моем кабинете следователь. Ему нужна консультация нашего главного инженера. Если ты тотчас не телепортируешься сюда, он отправится к тебе домой – и разговор будет менее приятным, чем здесь.

Чагрин не ответил. Он продолжал неотрывно смотреть на фотографию дочери. Больше его ничто не интересовало.

– Макс, – не унимался Петр Алексеевич, – прошу тебя. Ради нашей дружбы! Я надеюсь, она для тебя что-то значит?

Главный инженер перевел взгляд на начальника. К частому морганию прибавились покрасневшие щеки и покрытый испариной лоб. Что-то не только взволновало, но даже напугало его.

– Дайте мне пять минут и можете присылать телепорт.

– Спасибо, – с облегчением ответил Петр Алексеевич и отключился.

Чагрин поставил фотографию обратно на тумбочку и сел на кровати. Под его ногами валялась пластиковая посуда с остатками еды, часть из которой уже издавала неприятный запах. Отыскав среди мусора ботинки, он поднялся и шаркающей походкой, словно старик (хотя ему лишь недавно исполнилось тридцать девять), отправился в ванную.

Увидев себя в зеркале, Максим Игоревич сплюнул со злости. На него глядело приятное мужское лицо: выбритое, с аккуратной прической, белоснежной улыбкой. Однако это отражение было фальшивкой: на самом деле он выглядел – а главное, ощущал себя – совершенно иначе: парализованным инвалидом со множеством ожогов, шрамов и переломов. Сейчас все скрывала искусственная кожа, а отсутствующие и недееспособные части тела были заменены протезами. В XXIII веке технологии вплотную подступили к тому, что раньше казалось чудом. Нерешенными оставались лишь вопросы глобальные: как воскрешать умерших, как достичь бессмертия, как путешествовать во времени. И тому подобное.

По старой привычке ополоснув лицо водой (хотя нужды в умывании не было), Чагрин занялся внешностью. Силой мысли он превратил надетые на нем джинсы и футболку в отглаженные белую рубашку и бежевые брюки, а грубые ботинки – в черные классические туфли. Технологии и здесь не остались в стороне. Лень управляла прогрессом. Теперь не требовалось

покупать одежду и обувь на все сезоны, подбирать подходящий размер, заботиться о чистке, стирке и глажке. Достаточно было приобрести один комплект, который будет учитывать все пожелания, нужды и даже анатомические особенности хозяина.

В комнате кровать уже была застелена – все делалось автоматически. Поднявшуюся пыль расщепил потолочный ионизатор. Неубранным оставался только пол. Эту функцию выполняли или робот-пылесос, или более функциональный андроид-слуга, которых, по иронии судьбы, главный инженер компании «Робокорп» видеть у себя дома не желал.

В углу комнаты появился светящийся круг: прислали с работы телепорт. Максиму Игоревичу оставалось только ступить на него, что он и сделал. Вмиг он оказался в кабинете Петра Алексеевича Зубова, генерального директора корпорации «Робокорп».

Кабинет соответствовал положению занимавшего его лица: большой, просторный, светлый. В центре располагался длинный Т-образный стол из массива дерева. Вдоль правой стены тянулась череда книжных шкафов, свободные промежутки между которыми занимали висящие грамоты, лицензии и фотографии с презентаций и выступлений. Левая половина кабинета считалась нерабочей, поэтому здесь разместились несколько мягких кресел, окруженных огромными вазами с красивыми и редкими растениями, и минибар, замаскированный под большой аквариум с декоративными рыбками.

Петр Алексеевич сидел во главе стола еще более красный, чем до разговора с Чагриным. Струйки пота стекали с его лица и шеи несмотря на то, что искусственное охлаждение работало на максимуме. Стоявший рядом с ним графин с водой был наполовину пуст.

– Ну наконец-то, – чуть ли не взвизгнул руководитель «Робокорпа», когда Максим Игоревич появился в кабинете. – Мы тебя ждали!

Под «мы» Петр Алексеевич подразумевал себя и сидевшего за его столом высокого художавого мужчину. Тот был полной противоположностью генерального директора и в то же время типичным представителем своей профессии: на спокойном и сосредоточенном, словно каменное изваяние, лице не дергался ни один мускул, а холодный и пронзительный взгляд напоминал хищника.

– Максим Игоревич, позвольте представить вам следователя Кирпичева Станислава Николаевича. Он прибыл к нам по одному очень щекотливому вопросу, от которого зависит судьба нашей компании. Пока его визит носит неофициальный характер, поэтому он заверил меня, что все услышанное здесь останется в стенах этой комнаты. Прошу вас, Станислав Николаевич.

– Спасибо за доверие, Петр Алексеевич, – поблагодарил следователь гендиректора и обратился к Чагину:

– Вы главный инженер корпорации «Робокорп»?

– Да.

– Только вы занимались разработкой программного обеспечения модели КХ-213 или вам помогал кто-то еще?

– Только я. А в чем, собственно, дело? Что-то не так с КХ-213?

Этот вопрос заставил Петра Алексеевича налить себе еще воды из графина, а Станислава Николаевича вынуть из папки несколько фотографий и протянуть их Максиму Игоревичу.

Взглянув на снимки, главный инженер сразу выронил их из рук.

– Что это?

– То, что сотворило ваше детище. Семья Андреевых: мать и двое сыновей. До смерти изрезаны кухонным ножом.

Чагрин побледнел. Перед ним лежали фотографии с запечатленными на них изувеченными человеческими телами. По несчастным будто прошли плугом: отрезаны руки, ноги, половые органы, кровь повсюду. Распознать лица жертв не представлялось возможным: убийца срезал с них кожу и выколол глаза. Поразительная жесткость!

– Больше похоже на работу какого-то маньяка, – засомневался Максим Игоревич. – Вы уверены, что это сделал КХ-213? Какие у вас доказательства? Свидетели имеются? Такого просто не может быть!

– Странный вопрос от создателя роботов, – удивился следователь. – У нас есть запись с жесткого диска андроида. Он убийца. Здесь сомнений нет. Проблема в другом. Мы не знаем, что делать в данной ситуации. Это новая веха в уголовной практике. Вы создали прецедент своим творением. Еще никогда андроид не убивал человека, тем более умышленно и, вдобавок, с такой жестокостью. Нам нужно знать, что послужило причиной, но у нас нет возможности изучить программное обеспечение КХ-213.

– Поэтому вы хотите, чтобы мы сами нашли доказательства своей вины? – перебил следователя Максим Игоревич. – Очень умно.

– Как я уже говорил, – спокойно продолжил Станислав Николаевич, – мой визит неофициальный. Мы прекрасно понимаем, какую шумиху вызовет заявление, что робот преднамеренно убил человека. Это будет международный скандал, о последствиях которого можно только догадываться. Поэтому мы даем вам возможность самим разобраться в случившемся. В противном случае я вам не завидую! Я считаю, вы прекрасно понимаете, к чему я клоню.

Генеральный директор и главный инженер «Робокорпа» переглянулись. В глазах каждого читалось волнение. Следователь говорил правду. У корпорации огромные проблемы.

– Где сейчас КХ-213? – спросил Максим Игоревич.

– Естественно, у нас в отделении в камере, как и полагается преступнику.

– Он оказал сопротивление при аресте?

– Никакого. Когда мы прибыли на место, он неподвижно стоял около тела убитой женщины. На вопрос, почему он ее убил, андроид ответил, что такова его задача.

– Чушь! – вдруг вскричал Чагрин и перевел взгляд на начальника. – Петр Алексеевич, вы хоть понимаете, что это полная чушь!? Я сам программировал КХ-213, как и многие предыдущие модели, и никогда не прописывал задачи убить человека. Мне такое даже в голову не приходило.

– Однако ваша корпорация также выпускает боевых роботов. Возможно допустить, что их программное обеспечение использовали для создания КХ-213?

– Полностью исключено, – ответил за Чагрин Зубов. – Существует четкий протокол для разделения двух линий производств. Александр Сергеевич Вертухаев, наш начальник службы безопасности, неукоснительно следит за этим.

– Все могут ошибаться. Даже Александр Сергеевич или Максим Игоревич, – почему-то улыбнулся следователь.

– Догадываюсь, к чему вы клоните, – высказался главный инженер. – Мое прошлое говорит само за себя.

– Я вас пока ни в чем не обвиняю. Но нужно разобраться, что послужило причиной убийства. Почему робот превратился в жестокого маньяка? – повторил Станислав Николаевич недавние слова Чагрин. – Ошибка человеческая или программная?

– Я могу забрать андроида в свою лабораторию? – спросил Максим Игоревич.

– Для этого я здесь! Сейчас мы отправимся в отделение, где вы заполните необходимые документы и заберете КХ-213. Но уже завтра я жду от вас подробный отчет о результатах служебного расследования. К сожалению, время работает против нас, а сложившаяся ситуация напоминает мину замедленного действия. Пока никто не знает о причастности робота к убийству, но уверен, что это ненадолго. Скоро информация выплывет наружу, и нам нужно быть готовыми, чтобы придумать объяснение, которое не шокирует общественность и не приведет к массовым беспорядкам.

– А как вы узнали, что совершено убийство? – поинтересовался Зубов.

– К нам поступила информация, что сын Ольги Андреевой не пришел в школу, а мать мальчика не отвечает на звонки. Позже подобные сообщения поступили из детского сада, где не появился второй ее сын, и из банка, где работала женщина. Мы отправились к ним домой и обнаружили всех мертвыми. Могу добавить, что я многое повидал, но такой жестокости – никогда прежде. Теперь давайте закончим и отправимся в отделение.

Следователь поднялся и вопросительно взглянул на Максима Игоревича.

– Станислав Николаевич, дайте нам пять минут посоветоваться, – попросил Петр Алексеевич.

Кирпичев в ответ кивнул, собрал фотографии обратно в папку, попрощался и вышел за дверь. Главный инженер и генеральный директор «Робокорпа» остались наедине.

– Макс, – обратился к нему Зубов, – ты понимаешь, что это конец? Как только узнают, что наша модель убила человека, нас тотчас растопчут конкуренты. «Робокорп» прекратит свое существование. Десятки тысяч человек окажутся на улице, я в долгах, а ты в тюрьме.

Чагрин снова побледнел.

– Поэтому, Макс, очень тебя прошу – разберись. Разберись и найди то, что спасет нашу компанию. Что-нибудь, что можно было бы связать с деятельностью наших конкурентов. Корпорацией «ЗАСЛОН», к примеру. Ее сотрудники часто устраивают нам пакости. Все нужно свалить на конкурентов. Понимаешь? Это все их происки, и только. Следователю больше ни слова. Ему все равно, кто будет сидеть за решеткой. Как только что-то узнаешь, тотчас звони мне. Без моей команды ничего не предпринимай. Ты меня понял?

– А если тут и на самом деле моя ошибка? – вдруг выпалил главный инженер. – Что, если по моей вине убили этих несчастных людей?

– Бред! Не может быть такого. Слышишь меня? Не может! Нашей вины здесь нет. Нет! Это все конкуренты. А теперь езжай и забери этого чертова андроида. И прошу, мой дорогой друг, выясни, в чем дело! Пожалуйста!

Максим Игоревич с трудом поднялся со стула и поплелся к двери. Голова шла кругом, ноги не слушались, а страх оказаться виновным терзал душу. Он создал убийцу. Убийцу!

В коридоре он встретился с Вертухаевым. Лысый коренастый мужчина в строгом черном костюме о чем-то оживленно говорил по мобильному телефону. Заметив главного инженера, он тотчас прекратил разговор, а Чагрин схватил за руку и отвел ближе к стене.

– Кирпичеву ни одного лишнего слова, – резко начал он, водя пальцем перед лицом Максима Игоревича. – Слышите? Ни одного! Ни про дела нашей корпорации, ни про ее сотрудников, ни про меня лично. Вообще ни про что. Общение с ним опасно. Я его хорошо знаю. Мы пересекались с ним, когда я работал в правоохранительных органах. У него есть прозвище – «Бульдог». Если он взялся за какое-нибудь дело, то обязательно доведет его до конца, невзирая на последствия. Кроме того, он очень цепкий к словам человек, грамотный оратор и искусный интриган. Поэтому повторяю! Ни одного лишнего слова. Вы меня хорошо поняли, Максим Игоревич?

– Да, – покорно кивнул окончательно растерявшийся главный инженер.

– Тогда идите. Не заставляйте Бульдога ждать, – приказал Вертухаев и, снова приложив мобильник к уху, пошел в кабинет Зубова: – Я ему передал все инструкции, дорогая. Не волнуйся. Все будет хорошо. Я за этим прослежу.

***

Как только Чагрин покинул кабинет, Петр Алексеевич сорвал галстук и расстегнул ворот рубашки. Не помогло. Невидимые кольца стиснули горло, отчего воздух с трудом проникал в легкие.

«Ты справишься», – успокаивал себя Зубов и сделал несколько вдохов с помощью ингалятора. Дышать стало легче.

Генеральный директор снял пиджак и бросил его на кресло. Рубашка на спине и в подмышках была мокрой. Пот стекал по коже Зубова, будто тот находился в бане.

Убедившись, что кондиционер работает на самой низкой температуре, Петр Алексеевич подошел к аквариуму. Хотелось открыть бар, но начальник «Робокорпа» сомневался, стоит ли прибегнуть к алкоголю. С одной стороны, требовалось снять напряжение, с другой – Зубов понимал, что впереди куча работы и ему нужна ясная голова. На последнем доводе руководитель все-таки остановился и перевел взгляд на аквариум.

С детства ему нравилось следить за движением декоративных рыбок, размеренным и неторопливым. Идиллия спокойствия. Кроме того, каждый день дарил им новые впечатления. Из-за короткой памяти они могли снова и снова исследовать руины замка, и прогуливаться в ботаническом саду подводных растений. К сожалению, впоследствии Зубов узнал, что это неправда. Миф о трехсекундной памяти рыб возник из-за их поведения в маленьких аквариумах: они часто плавали по кругу, создавая ощущение, будто забыли, куда направлялись. На самом деле все объяснялось стрессом от замкнутого пространства. Рыбки были узниками подводной тюрьмы со своими правилами. Каждый вид занимал свою нишу, вторжение в которую постороннего жестко пресекалось. Под безмятежной с виду гладью воды тоже кипела борьба не на жизнь, а на смерть. Этим даже маленькие красивые рыбки несколько не отличались от человека.

За созерцанием подводной жизни Вертухаев и застал Петра Алексеевича, когда вошел в кабинет.

– Ты все слышал? – сурово спросил Зубов у Александра Сергеевича, не оборачиваясь.

– Да. Вы хорошо сделали, что включили связь, – начальник службы безопасности подошел к аквариуму, ежась от холода. По его мнению, в кабинете было градусов десять. Не больше.

– Что будем делать?

– Дайте мне время, и я что-нибудь придумаю.

– Время? Время – самый ценный ресурс и стоит очень дорого. И сейчас, как выразился Кирпичев, оно работает против нас.

– Я понимаю. Я уже занимаюсь проблемой.

– Сам-то что думаешь?

– Думаю, что заканчивать вам нужно с Чагриным. Он, конечно, гений. Тут не поспоришь. Но с ним постоянно проблемы.

– Не любишь ты его. Хотя, если честно сказать, это Максим должен тебя ненавидеть. Ирина уже знает?

– Да. Только что звонила. Она по-прежнему за него беспокоится.

– Золотая женщина. Береги ее. А вот секретность у нас никакая. Уже за стенами корпорации знают об убийстве. Как так-то? Я привел тебя в пример следователю как образец надежности, а он в ответ только улыбнулся. Может, мне и с тобой тоже закончить?

Начальник службы безопасности замялся, не зная, что ответить. Зубов же продолжал следить за рыбками. Одна из них яростно гоняла другую, что напоминало бег с препятствиями.

– У тебя есть дома аквариум? – вдруг спросил генеральный директор.

– Нет.

– Заведи. Заставляет многое переосмыслить. К примеру, ты знал, что в него любую рыбку не поместишь? Необходимо знать, какие виды могут сосуществовать вместе, а какие нет. Если ошибиться при подборе, то можно в скором времени увидеть полное исчезновение всего косяка. Но даже при соблюдении всех условий обязательно найдется та, которая будет прессинговать другую. Все хотят жить хорошо. Абсолютно.

***

Следователь ждал Чагина на подземной парковке в служебном автомобиле. В целях безопасности в административных учреждениях пользование телепортами блокировалось специальными протоколами защиты.

Главный инженер вздохнул. Два года назад он дал себе слово больше никогда не пользоваться автомобилем, которое теперь предстояло нарушить.

Увидев колебания Максима Игоревича, Кирпичев вышел из машины и подошел к нему.

– Я понимаю, что вы чувствуете, – произнес он. – Если помните, я занимался вашим делом. Не представляю, как бы я вел себя в подобной ситуации, но знаю, что сейчас нужно перебороть страх и сесть в машину. Это ваш долг. Долг перед теми, кто еще не пострадал. Андреевы могут быть не последними.

– Да что вы такое говорите, – возмутился главный инженер.

– Я говорю о том, в чем хорошо разбираюсь. Представьте себе, что если это системная ошибка, то тогда прямо сейчас другая модель КХ-213 может взять нож и зарезать своих хозяев. Или устроить взрыв целого дома. Представляете себе масштаб жертв?

Максим Игоревич ошеломленно поглядел на следователя.

– Поверьте моему опыту, – в ответ проговорил Станислав Николаевич и положил руку на плечо Чагину. – Садитесь. Время не ждет.

Главный инженер второй раз за сегодняшний день почувствовал себя маленьким безвольным человеком. Ему опять указывают, что делать. Сначала Вертухаев, теперь Кирпичев. Он тяжело вздохнул, сел в машину, и вскоре она беззвучно тронулась в путь.

День близился к обеду, но на улицах царил полумрак. Солнце не могло пробиться сквозь небоскребы. Они словно великаны выстроились вдоль дорог, превращая эту часть города в каменный лабиринт. Именно здесь, в безрадостном и темном районе, располагались многочисленные офисные помещения различных корпораций, банков, предприятий. Большинство работающих в них людей жили тут же. Они были частью одного большого муравейника, где ютились в малогабаритных аскетичных квартирах.

Люди XXI века, мечтавшие о ровных дорогах, сейчас пришли бы в восторг. Проезжая часть стала идеально гладкой: если по ее поверхности провести рукой, то не почувствуешь шероховатостей. Все дело в том, что на смену колесному транспорту пришел парящий. Автомобили больше не соприкасались с землей, а следовательно, шины не могли причинить вреда дорожному покрытию. Кроме того, изобретение парящего транспорта решило многочисленные проблемы с нефтью, объем запасов которой во всем мире катастрофически падал. Теперь заменяющий асфальт материал сам вырабатывал электричество, когда над ним пролетал автомобиль. В итоге энергией обеспечивались не только сами машины, но также уличные фонари вдоль дорог, рекламные щиты, вывески зданий и многое другое.

Способ управления автомобилем тоже претерпел значительные изменения. Руля как такового больше не существовало. Все делал автопилот, а водитель мог регулировать движение голосовыми командами, набор которых не отличался многообразием и касался в основном остановок. Подобное нововведение свело возможность автомобильных катастроф к нулю, что, в свою очередь, привело к ликвидации дорожной инспекции.

– Я вижу, вы с Петром Алексеевичем в хороших отношениях? – прервал долгое молчание Кирпичев. – Общаетесь на «ты», выходной предоставляет, когда захотите.

– Верно, мы с ним друзья со времен университета. Я говорил ему, что на работе не стоит забывать о субординации, но иногда в подобных ситуациях он забывается. Многое мы пережили вместе.

– Что вы имеете в виду? – поинтересовался Станислав Николаевич.

– Вы студентом никогда не были? – улыбнулся в ответ Чагин.

– Вы меня не поняли. Что вы имели в виду под «подобными ситуациями»?

– Работа всегда и везде, – обиделся Максим Игоревич. – Я и забыл, что разговариваю со следователем, и забыл, что Вертухаев строго-настрого запретил мне болтать с вами. Теперь я понимаю почему. У нас никогда не было никаких происшествий на работе. Никогда! – он повысил голос. – Так и запомните! А я говорил о личных проблемах. Когда у меня случилось несчастье, Петр Алексеевич забыл, что он мой начальник. Он пошел на многое... Только не спрашивайте, на что. Ничего противозаконного. И вытащил меня с того света. Естественно, тогда он общался со мной как старый добрый друг.

– А Александр Сергеевич – тоже ваш друг? – не унимался Кирпичев.

– Не думаю, – буркнул Максим Игоревич и отвернулся в другую сторону, всем своим видом давая понять, что разговор окончен.

Станислав Николаевич усмехнулся и повернул машину на улицу Свободы. Изначально свое название она получила в память о событиях 1612 года, когда народное ополчение под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского освободило Москву от польских интервентов. Со временем улица оказалась в центре 16 квартала, в народе именуемого «Буржуйским» из-за живших здесь состоятельных граждан города, и название улицы приобрело другой смысл. Поскольку в 16 квартале полностью отсутствовали небоскребы, вместо создаваемого ими мрака здесь царил солнечный свет, напоминающий людям, как выглядит настоящий мир. Вместо темных тонов повсюду буйствовали краски: зеленая трава, голубое небо и яркое солнце. Поэтому, естественно, как только машина оказалась на улице Свободы, в лицо Чагина ударил яркий свет, вызвавший у Максима Игоревича панику.

– Куда мы?! Поворачивайте! Срочно! – заголосил он.

Если бы в машине находился руль, то главный инженер, конечно, схватился бы за него, чтобы претворить слова в действия. Однако автопилот подчинялся только голосу водителя, поэтому Максим Игоревич полез на Кирпичева с кулаками. Его попытка повернуть не удалась – следователь вмиг блокировал его движения, применив борцовский захват. Сказывалась специальная подготовка.

– Успокойтесь! – рявкнул Станислав Николаевич.

– Поворачивайте! – не унимался Чагин. – Я не могу здесь ехать.

– Я догадывался, что вы так скажете, но это кратчайшая дорога до отделения. Я не поверну! Вам придется потерпеть.

Максим Игоревич еще пару раз попытался что-нибудь предпринять, но безрезультатно. Кирпичев держал его крепко. Крики, постепенно перешедшие в хрипы из-за пережатого горла, тоже не возымели никакого эффекта. Следователь твердо стоял на своем.

– Отпустите меня, – наконец просипел Чагин.

– Вы уверены?

– Да. Отпустите. Пожалуйста. Я все понял.

Станислав Николаевич разжал захват, и главный инженер, устроившись в кресле, с замиранием сердца взглянул в окно. Перед глазами проплывали выстроенные в строгий ряд аккуратные двухэтажные домики. Все как на подбор: коричневатый фасад, красная крыша, зеленая лужайка, окруженная белоснежным забором. Здесь жили состоятельные граждане города. Среди солнца, деревьев и небольших прудов.

Вот показался и он. Дом, который оставил кровавый рубец на сердце Максима Игоревича. Сейчас он ничем не отличался от своих многочисленных братьев-близнецов. Все выглядело так, как будто здесь ничего и не произошло. Ни единого намека на случившуюся два года назад трагедию. Тем не менее, Чагин без труда узнал дом. И, как нарочно, сейчас же из злополучного здания выбежали дети и помчались к надувному бассейну.

Из глаз Максима Игоревича покатались слезы. Неожиданно, резко, градом. Всего лишь два года назад он мог так же весело играть со своей дочерью. Теперь же он мог навещать ее только на кладбище. Улица Свободы стала местом гибели для его семьи.

Наконец домики скрылись из виду, и машина снова оказалась в полумраке среди многочисленных небоскребов.

Чагрин отстранился от стекла. Вытер слезы. Поправил одежду.

– Вы испортили мне сегодняшний день, – негодовал он.

Следователь моментально нашелся, что ответить.

– Вы сами его испортили, поскольку плохо выполнили свою работу. Неисправный робот – вина создателя.

– Вы для себя все уже решили. Для вас мы преступники.

Кирпичев ничего не ответил, а приказал автомобилю остановиться. Они прибыли на место.

Полицейское отделение размещалось в пятиэтажном здании, особняком стоявшем среди величественных небоскребов. О том, что здесь сосредоточилась местная власть, красноречиво свидетельствовали бронированные автомобили на территории и энергетическое ограждение вокруг, прикосновение к которому вызывало мгновенный паралич. Кроме того, вход строго охранялся. Перед ним, как исполины, возвышались два боевых робота с огромными лазерными пушками вместо рук. К удивлению Максима Игоревича, здесь уже находился автотранспорт «Робокорпа» – специальный грузовик для транспортировки бытовых андроидов.

– Александр Сергеевич, как всегда, оперативен, – улыбнулся Кирпичев, выходя из машины. – Давайте и мы поторопимся.

Мужчины вошли в здание. В вестибюле не было ни души. Вдоль зеленых стен к стойке контрольно-пропускного пункта тянулся ряд свободных стульев. Сидевший за стойкой дежурный откровенно зевал от безделья, но, увидев Станислава Николаевича, тотчас принял официальный вид.

– Со мной, – коротко бросил ему Кирпичев, указав на Чагрина, и прошел внутрь.

Пройдя по длинному коридору, они оказались перед массивной металлической дверью, за которой находились камеры задержанных. Максиму Игоревичу сразу вспомнился банковский сейф: настолько надежной выглядела защита от побега.

Дежурный отворил Кирпичеву с Чагриным дверь, а затем проводил их к центральной камере. Там за силовым щитом находился источник сегодняшней суматохи – КХ-213.

Следует отметить, что, за исключением андроида, больше в камерах никого не было: количество преступлений с ростом цифровизации резко сократилось. Государство с помощью правоохранительных органов осуществляло тотальный контроль за своими гражданами через каждый элемент системы видеонаблюдения и каждый интернет-ресурс. Любое случайно оброненное слово или написанное сообщение могло стать причиной ареста. В конце XXII века многие люди из-за этого оказались в тюрьмах. Следующее поколение вынуждено было жить по продиктованным сверху правилам.

– Здравствуйте, Максим Игоревич, – поднялся КХ-213 с кровати, увидев своего создателя. – Рад вас видеть в добром здравии.

Главный инженер «Робокорпа» моментально провел визуальную оценку андроида. Ничего подозрительного или указывающего на неисправность. Робот стоял ровно, как солдат на посту, и всем своим видом показывал, что готов к любому поручению.

– Выглядит вполне работоспособным, – вслух проговорил Чагрин. – Вы точно уверены, что он совершил три убийства?

– Когда вы посмотрите запись, вы сами убедитесь в правдивости моих слов, – ответил следователь, а потом приказал дежурному: – Наденьте на заключенного наручники. Он покидает нас.

Полицейский подошел к камере.

– КХ-213, приблизьтесь к силовому полю и вытяните руки, – скомандовал он.

Робот послушно исполнил приказ. В тот момент, когда его кисти оказались около силового поля, появилось специальное оконце, через которое он смог протянуть руки. На запястьях щелкнули наручники, где между браслетами была протянута не металлическая цепь, а энергетическая. После этого исчезла нижняя часть силового поля, и дежурный смог надеть точно такие же наручники на лодыжки андроида.

– Теперь подпишите, – Станислав Николаевич протянул документ Чагрина, – и можете забирать робота.

Максим Игоревич, вздохнув, поставил свою подпись. Следовательно бережно убрал расписку в свою папку, после чего проговорил:

– КХ-213, следуйте за мной, только без глупостей. Одно неверное движение, и я применю силу.

Силовое поле полностью исчезло, и андроид оказался на свободе. Только теперь главный инженер заметил, что с его творением действительно что-то не так. Пока робот находился в камере, верхнюю часть его туловища отчасти скрывало тусклое освещение. Сейчас, когда помехи для света исчезли, Чагрин заметил, что искусственное лицо КХ-213 выражало обеспокоенность.

У Максима Игоревича сразу промелькнула мысль, что если робот все-таки неисправен, то, по идее, он сейчас должен броситься на них. Невольно, повинувшись инстинкту самосохранения, главный инженер даже незаметно сделал так, чтобы между ним и андроидом оказался Кирпичев. К счастью, никаких агрессивных действий КХ-213 не совершил. Он покорно последовал за людьми, как и полагается механической машине, созданной для служения человеку.

В коридоре к ним присоединились еще два полицейских. Кирпичев тоже побаивался неисправного робота и не хотел оставаться с ним один на один.

На улице их встретили двое сотрудников корпорации «Робокорп». Одного из них Чагрин хорошо знал, впрочем, как и многие в корпорации. Это был Тимур, одно из приближенных лиц, а попросту «шестерка» Вертухаева. Такие люди, как он, внедрялись в каждый отдел компании. Таким образом, начальник службы безопасности находился в курсе всех дел и сплетен.

Сотрудники «Робокорпа» поместили андроида в специальную клетку – подобие вертикального саркофага с прозрачной крышкой. Клетка изготавливалась из толстого слоя металла, поэтому имела немалый вес, однако парящий механизм, удерживавший ее в воздухе, полноценно компенсировал этот недостаток. Здесь робот не представлял опасности, поскольку не мог даже пошевелиться.

Через отверстия по бокам клетки сотрудники «Робокорпа» сняли наручники с андроида и передали их полицейским. Следовательно протянул Чагрина руку на прощание.

– Я жду от вас отчет завтра утром, – напомнил он.

Максим Игоревич кивнул в ответ и пошел садиться в фургон, куда уже поместили клетку с КХ-213.

– Тимур, сядешь вместе с водителем, – приказал он.

– Не положено, – попытался возразить тот.

– Приказ Зубова, – грубо перебил его Чагрин и залез в фургон. – Закрывай.

Двери захлопнулись. Создатель остался наедине со своим творением.

– Мелисса, – тотчас обратился Максим Игоревич к главному компьютеру, садясь на стул, – проведи диагностику КХ-213 на предмет системных ошибок.

– Ошибок не выявлено, – практически мгновенно ответил искусственный интеллект.

«Уже легче, – облегченно вздохнул Чагрин. – Робот исправен, а значит, я ни в чем не виноват».

– Теперь, – он снова обратился к виртуальному помощнику, – покажи мне запись вчерашнего дня с момента, когда КХ-213 взял в руки нож.

На большом экране появилось изображение андроида, резавшего салат.

– Не то, – отмахнулся Максим Игоревич. – Промотай дальше.

Перед глазами в ускоренном режиме стали мелькать кадры вчерашнего дня. КХ-213 приготовил ужин и позвал семью Андреевых: женщину и двоих ее сыновей. Трапеза проходила очень весело. Ничто не предвещало беды. Мама постоянно улыбалась. Улыбка очень шла ее немного расплывшему лицу. Черноволосые мальчишки лет пяти и девяти отвечали ей тем же. КХ-213 аккуратно за ними ухаживал: подавал блюда, подливал сок, убирал посуду и мусор.

Когда ужин закончился, робот принялся за уборку. После этого он выполнял единичные поручения от членов семейства, которые большую часть времени провели в гостиной за просмотром телевизора.

Примерно в 11 часов вечера дом затих: все легли спать. С этого времени КХ-213 стоял неподвижно, но ровно в 00:00 он направился на кухню и взял кухонный нож.

– Стоп, – остановил Чагрин главный компьютер, – теперь в реальном времени.

Андроид медленно поднялся по лестнице на второй этаж. Направо находилась детская, налево – спальня матери. Робот двинулся в правую сторону, открыл дверь и вошел к мальчикам.

О такой детской Максим Игоревич в свое время мог только мечтать. На полках вдоль стен располагались многочисленные игрушки, в том числе дорогие коллекционные экземпляры. В углу комнаты стоял электрический автомобиль, а вокруг него были разбросаны детские инструменты. На потолке сменялись изображения космоса: то млечный путь, то парад планет, то яркие звезды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.